

Цзян Шу просидел во дворе до самой темноты. Лишь однажды он ненадолго зашёл в дом, чтобы составить компанию Сунь Тяньиню за ужином, после чего сразу же вернулся на прежнее место. Его угрюмое упрямство бросалось в глаза — это заметил даже Ли Мэн. Воспользовавшись тем, что Чжао Лои у себя в комнате снова увлечённо что-то писал и чертил, мальчик тихо выскользнул на крыльцо и лениво подобрал с земли мелкий камушек.

Внутри дома колыхнулось пламя свечи.

Юноша во дворе поднял голову. В его узких тёмных глазах сквозило глубокое равнодушие, в котором угадывалась едва заметная враждебность.

— Ли Мэн, — произнёс юноша, нарушая молчание.

Затем он неторопливо перевернул пожелтевшую страницу:

— Цзян Шу.

Обрадованный тем, что с ним наконец заговорили, Ли Мэн уселся напротив. Перед Цзян Шу лежала старая, изрядно потрёпанная тетрадь. Ли Мэн навалился грудью на стол и с нескрываемым любопытством заглянул в неё:

— И что там такое?

— Книга, которую тебе ни за что не понять, — отрезал Цзян Шу.

Ли Мэн попытался завязать разговор, задав ещё пару вопросов, но его собеседник хранил угрюмое молчание. Скучая, мальчик принялся блуждать взглядом по двору, пока не зацепился за плотно закрытую дверь комнаты Сунь Тяньиня. Там, за потемневшим деревом, горел мягкий свет. Из всех комнат в этом доме Ли Мэн бывал только в этой.

— Это тоже из библиотеки твоего учителя? — со скрытым воодушевлением спросил он, кивнув на тетрадь.

— Нет.

— А что тогда?

— Бумага с чернилами.

Ли Мэн обиженно надул губы:

— Ты ведь нас просто терпеть не можешь, да?

Цзян Шу наконец оторвался от чтения и посмотрел ему прямо в глаза:

— Да.

— Но почему? Мы же до этого дня вообще не были знакомы...

— Не люблю — и всё тут. Никаких причин мне не нужно, — резко оборвал его Цзян Шу. — И учти: если ты ещё хоть раз посмотришь в сторону комнаты моего мастера, я выколю тебе глаза.

Заметив на лице Ли Мэна тень сомнения, он понизил голос, чеканя каждое слово:

— Не веришь — рискни.

Не дожидаясь ответа, Цзян Шу пренебрежительно поднялся со скамьи. Он выплеснул остатки остывшего чая в угли, гася пламя в жаровне, и, даже не подумав прибрать за собой посуду, бережно спрятал за пазуху потрёпанную тетрадь.

— Попробуй, — упрямо вскинул подбородок Ли Мэн. — Если ты тронешь мои глаза, мой учитель отрубит тебе руки.

Вообще-то Чжао Лои частенько грозился сделать нечто подобное, хотя Ли Мэн сильно сомневался, что тот действительно станет мारать руки ради него.

Цзян Шу лишь презрительно фыркнул:

— Твой учитель моему и в подмётки не годится. Мой мастер — Король ядов, ему даже драться не придётся.

Ли Мэн почувствовал себя так, словно его жестоко оскорбили. Он густо покраснел:

— Думаешь, мой учитель в ядах ничего не смыслит?

— Даже если и смыслит, в Поднебесной нет ни одного мастера боевых искусств, способного превзойти в этом искусстве Короля ядов. Будь твой учитель так силен, он бы не приволок тебя сюда просить о помощи.

Против этой логики у Ли Мэна не нашлось аргументов. Он лишь яростно уставился на Цзян Шу, сжав кулаки. В груди клокотала обида — ему нестерпимо захотелось стереть эту спесь с лица наглеца.

Ли Мэн и не подозревал, что этот юноша с почти детским лицом на самом деле был старше его лет на восемь. Цзян Шу с холодным любопытством наблюдал за чужой яростью, получая от этого злое удовольствие. Ему до смерти надоели жалкие просители, которые вечно осаждали его наставника в надежде на исцеление. Он ненавидел каждого, кто переступал порог этого дома ради милости Сунь Тяньиня.

В тот момент, когда Ли Мэн уже готов был броситься в драку, скрипнула дверь. На пороге появился Чжао Лои. Недовольно нахмурившись, он окинул взглядом подростков и резко приказал:

— Что здесь происходит? Ли Мэн, иди в комнату и вымой кисти.

Ли Мэну ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Сгорая от досады, он поплёлся в дом. Он так и не сумел разузнать, над чем Чжао Лои трудился весь день напролёт — тот писал без усталости, и, судя по всему, завтра его ждало то же самое. Рассудив, что кисти всё равно понадобятся утром, мальчик небрежно прополоскал их в чаше с водой и вернулся в спальню.

Они легли. Ли Мэн лежал с закрытыми глазами, когда сквозь полусонную тишину донёсся тихий, глуховатый голос Чжао Лои:

— О чём вы спорили с учеником Господина Суня?

Мальчик демонстративно отвернулся к стене, натянув одеяло до ушей.

— Ни о чём. Он читал какую-то книгу.

— Что за книга?

— Он не сказал.

Чжао Лои шевельнулся, его подбородок коснулся затылка мальчика. Ли Мэн недовольно придвинулся ближе к краю постели.

— Держись от него подальше, — ровным тоном произнёс мужчина. — У этого мальчишки скверный нрав, только зря потратишь нервы.

— Хорошо, — глухо буркнул Ли Мэн.

В Башне Десяти Направлений у него почти не было друзей, и ему искренне хотелось с кем-нибудь сойтись. Цзян Шу показался ему славным малым, к тому же его учитель обещал избавить Ли Мэна от смертоносного паразита. Но первая же попытка сблизиться обернулась полным провалом, оставив на душе горький осадок. Разговаривать больше не хотелось.

Разочарование не давало Ли Мэну покоя: он ворочался под одеялом, шумно вздыхал и никак не мог уснуть. Наконец Чжао Лои потерял терпение и отвесил ему короткий шлепок.

Ли Мэн мгновенно замер. С самого детства его никто не смел так бесцеремонно наказывать.

— Спи уже, — не терпящим возражений тоном бросил Чжао Лои. — Или я выставлю тебя за дверь.

Обычно по утрам Ли Мэн просыпался, намертво вцепившись в пояс наставника, но пока тот бодрствовал, мальчик не осмеливался вольничать. Он послушно затих, сжавшись в комок у чужого плеча, и попытался провалиться в сон.

— Слышишь? — вдруг спросил Чжао Лои.

Ли Мэн шмыгнул носом:

— Дождь начинается?

— Нет, это не дождь. Словно кто-то... — Мужчина осёкся, внезапно осознав природу звука, и умолк.

Ли Мэн, до этого не обращавший внимания на шорохи, тут же наострил уши.

А за тонкой перегородкой, в соседней комнате, старое ложе нутужно и глухо поскрипывало.

— Завтра я сам поставлю ему иглы. Тебе запрещено прикасаться к этому щенку, — тяжело дыша, шептал Цзян Шу.

Он перебирал мягкие, подёрнутые серебром пряди волос Сунь Тяньиня, с нежностью целуя их, прежде чем вновь толкнуться вперёд.

Сунь Тяньинь долго не мог вымолвить ни слова от перехватившего горло спазма. Лишь когда натиск немного ослаб, он обхватил влажные, горячие плечи юноши и со слабой усмешкой прохрипел:

— Откуда в тебе столько ревности?.. Он же совсем ребёнок...

— Мне всё равно. Ты не прикоснёшься к нему. Даже пальцем.

На лбу Короля ядов выступила испарина. Он утомлённо прикрыл глаза, содрогаясь от каждого движения любовника, и в конце концов безмолвно уступил его собственнической воле.

— Похоже... словно кого-то бьют? — неуверенно предположил Ли Мэн после долгого молчания.
— Звучит так, будто человеку больно... но в то же время и не больно. Странно как-то.

Чжао Лои повернул голову. Посмотрев на взъерошенную макушку притихшего ученика, он мягко прижал ладонь к его уху, слегка массируя мочку:

— Тебе показалось. Спи.

— Да нет же, я точно слышу! Кто-то тихонько стонет, то затихает, то снова начинает. Послушай сам, учитель!

Чжао Лои, не зная, смеяться ему или злиться, просто притянул глупого мальчишку к себе, утыкая лицом в свою грудь. От неожиданности Ли Мэн мазнул губами по чужому телу.

Под плотным одеялом было невыносимо жарко, и мальчик мгновенно покраснел. Прямо перед его лицом, под тонкой тканью нательной рубахи наставника, упруго очерчивался сосок. Ли Мэн чисто машинально потянулся к нему пальцами — от этого прикосновения плоть под тканью мгновенно затвердела.

Но не успел он продолжить своё невольное исследование, как сильная рука Чжао Лои бесцеремонно выудила его из-под одеяла.

— Лежи смирно, — выдохнул Чжао Лои.

Пытаясь устроиться поудобнее, Ли Мэн случайно задел бедром низ его живота. Тёплое трение продолжалось всего мгновение, но, почувствовав резкую перемену в чужом теле, мальчик мгновенно оцепенел.

Сопоставив это со звуками из-за стены, он наконец всё понял. Господин Сунь и его ученик делили не только кров, но и ложе. Неудивительно, что Цзян Шу вёл себя как разъярённый зверь, охраняющий свои владения. И этой ночью за стеной явно никто не собирался спать.

За окном усиливался гул дождя. Чжао Лои силой притянул обратно Ли Мэна, который попытался отползти на самый край постели. Мальчик терпеть не мог холод, но сейчас близость наставника вызывала у него неловкость. К счастью, хлынувший ливень надёжно заглушил все посторонние звуки.

— Учитель... давайте спать, — едва слышно прошептал Ли Мэн, откинув голову назад, чтобы увеличить расстояние между ними.

Вместо ответа Чжао Лои положил ладонь ему на спину. В густой темноте их взгляды встретились.

Ли Мэн почувствовал, как внутри зарождается какое-то новое, пугающее чувство. Инстинкт требовал немедленно отстраниться, но было слишком поздно.

Когда их губы соприкоснулись, мысли в голове мальчика смешались в хаотичный вихрь. Попытка оттолкнуть мужчину провалилась: Чжао Лои легко перехватил его запястья и завёл их ему за спину. Ли Мэн слабо дёрнулся, но жаркое дыхание наставника лишило его сил. К своему ужасу, он почувствовал, как предательски отзывается на этот напор. Разум словно поразило молнией.

Этот поцелуй не был нежным — Чжао Лои словно клеймил свою собственность, заявляя на неё неоспоримые права. Когда он наконец отпустил искусанные губы мальчика, во рту Ли Мэна остался отчётливый солоноватый вкус крови.

Охваченный паникой, Ли Мэн рванулся изо всех сил. Толчок вышел настолько резким, что он не удержался на краю постели и с грохотом полетел на пол. С трудом поднявшись, он бросился вон из комнаты, но прямо у порога его встретила ледяная стена ливня. Насквозь промокший за секунду, он вынужден был попятиться назад под навес.

Чжао Лои остался сидеть на кровати, скрестив ноги. В первый миг его собственный порыв ошеломил его, но разум быстро уступил место инстинктам. Он осознал, что его влечение к этому мальчику не было случайной прихотью — это была глубокая, неодолимая потребность. И теперь, когда тайна приоткрылась, скрывать её больше не имело смысла, хотя доводить дело до конца было ещё рано.

Он медленно провёл пальцами по губам. На подушечках остался крошечный алый мазок.

Огрызается, щенок. Зубы острые.

Днём Чжао Лои заходил к Сунь Тяньнину за книгами. Хозяин дома в тот момент увлечённо рисовал. Чжао Лои скользнул по наброску равнодушным взглядом и скрылся среди пыльных стеллажей. Но стоило ему с охапкой свитков направиться к выходу, как лекарь окликнул его.

Свернув свиток, на котором были изображены двое переплетённых телами мужчин, этот вечно беззаботный целитель внезапно спросил:

— Если твой ученик в один прекрасный день превратится в безмозглую куклу, что ты будешь делать?

Чжао Лои замер. Спустя долгую паузу он медленно обернулся:

— Что вы имеете в виду, Господин Сунь? Говорите прямо.

Как оказалось, при мальчике лекарь утаил самую страшную правду.

— В его крови живёт паразит по имени Похититель Душ, — Сунь Тяньинь небрежно бросил свернутую картину в огромную напольную вазу, где уже сиротливо теснился десяток таких же свитков. — А душа, как известно, не может существовать без своего земного пристанища. Этот червь капля за каплей выпивает разум, превращая человека в пустую оболочку. Жалкого, пускающего слюни дурака. Не думал, что мой младший соученик за столько лет так и не оставит своих безумных попыток.

— Младший? — переспросил Чжао Лои.

При их редких встречах Старик Сунь выглядел дряхлым, иссохшим старцем лет восьмидесяти. Он скорее походил на деда Сунь Тяньиня, нежели на его младшего брата по ордену.

— Тебя удивляет его убожество и старость? — прищурился лекарь.

Чжао Лои промолчал, ожидая продолжения.

— Когда наставник изгнал его за увлечение запретными снадобьями и ядами, тот окончательно потерял рассудок. Наша школа всегда считала искусство гу грязным ремеслом, недостойным благородных мужей. Мы все были сиротами, которых приютил учитель, потому и носим его фамилию — Сунь. Мой безумный шиди упрямо искал силу в запретном. Он превзошёл нас в мастерстве, но цена оказалась страшной: он отравил учителя и нашего старшего брата. Из некогда великого клана в живых остались лишь мы двое. Чтобы лишить его возможности творить зло, следовало отрубить ему руки. Но я пожалел его: яд, который он принимал годами, и так превратил его в немощного старика. Ограничившись малым, я отсёк ему ноги и сжёг их дотла. Безногий калека не может собирать редкие травы в горах, а значит, его изыскания должны были прекратиться.

Чжао Лои задумчиво потёр подбородок:

— Чтобы лишить человека возможности ходить, достаточно перерезать ему сухожилия. Зачем было лишать его конечностей?

— О, ты просто не знаешь моего шиди, — горько усмехнулся целитель. — Он умудрился выкрасть тайные свитки нашей школы. Даже с перерезанными сухожилиями он сумел бы исцелить себя. Да что там сухожилия — оставь я ему отрубленные ноги, он прирастил бы их обратно за пару дней. Его талант граничил с гениальностью, он во всём превосходил нас. Те безумные рецепты, от которых предостерегал учитель, он принимал за истину и искал любую возможность воплотить их в жизнь.

— Какое отношение это имеет к Похитителю Душ?

— Самое прямое. Потерпев неудачу с эликсиром молодости, он годами искал причину своего фиаско. Ещё в юности он упоминал о редком паразите, способном пленить чужую волю, и о древнем ритуале из южных земель Наньмэй, позволяющем занять чужую телесную оболочку. Сейчас его собственная плоть гниёт заживо от скопившихся в ней ядов. Безногий, умирающий калека... Очевидно, он решил воплотить свой давний замысел и переселиться в здоровое, молодое тело.

— И вы полагаете, что мишенью выбран мой ученик? — В голосе Чжао Лои прозвучала опасная, холодная усмешка. Сама мысль о подобном казалась ему верхом безумия.

— Никто в этом мире, кроме моего шиди, не способен вырастить подобную тварь.

— А ты? — Чжао Лои в упор посмотрел на лекаря. — Неужели ты бессилен?

— Искусство гу слишком коварно, в нашей школе оно всегда оставалось под запретом. Даже наставник уступал моему шиди в этих знаниях. Я умею находить заразу и знаю один способ её уничтожить. Назвать его полноценным лечением трудно, к тому же для этого необходим живой проводник. И если я не предупрежу тебя обо всех последствиях, Башня Десяти Направлений сотрёт меня в порошок. Я слишком дорожу своим покоем.

— И ты хочешь, чтобы этим проводником стал я, — ровным тоном подытожил Чжао Лои.

Сунь Тяньинь добродушно прищурился:

— Это лучший выход. Иначе к вашему следующему визиту меня здесь просто не окажется.

— Что от меня требуется? — без тени сомнения спросил Чжао Лои.

Лекарь удивлённо хмыкнул:

— Я думал, ты попросишь хотя бы день на размышления.

— Он сирота. На всём белом свете у него нет никого, кроме меня.

Лицо Сунь Тяньиня на миг посуровело, словно его задело какое-то старое воспоминание. Наконец он жестом пригласил гостя сесть и налил ему чаю.

— Что ж... в таком случае я скажу всё без утайки. Мне придётся связать ваши жизни с помощью Гу матери и дитя.

Потоки дождевой воды с шумом скатывались со стрехи, наполняя канавы у порога грязной пеной. Ли Мэн стоял в одной нательной рубаше; от пронизывающей сырости его была крупная дрожь. Внезапно на его плечи опустился тяжёлый тёплый плащ, пахнувший дорожной пылью и сухими травами.

Мальчик поднял голову. Увидев перед собой Чжао Лои, он почувствовал, как к горлу подкатил горячий ком обиды. Зубы его мелко и часто застучали.

— Возвращайся в постель. Обещаю, больше я тебя не трону.

Ли Мэн всё ещё дичился, но ледяной ветер снаружи быстро выстудил остатки его упрямства. Шмыгнув носом, он поплёлся назад к кровати.

Чжао Лои опустился на край матраса.

Ли Мэн тут же отвернулся к стене и намертво вцепился в одеяло, когда почувствовал, что наставник пытается его стянуть.

— Сними это, — приказал мужчина.

Мальчик резко сел, уставившись на него полными злости глазами.

— Ты ведь даже не любишь мужчин! — сипло выкрикнул он сорванным голосом.

Чжао Лои опешил, а затем тихо рассмеялся:

— Снимай, кому говорю. Будешь много болтать — оставлю здесь.

Обида душила изнутри. Ли Мэн понимал, что силой наставника не одолеть. Он дрожал от холода, шумно дыша носом, и до смерти стыдился своего бессилия. Глаза предательски защипало. Он был уверен: Чжао Лои просто наслушался вздохов из-за стены и решил сорвать на нём свой пыл. Но он, Ли Мэн, в конце концов, сын самого министра юстиции! У него есть гордость и понятие о чести!

— С твоим изнеженным телом только под дождём стоять, — проворчал Чжао Лои, бережно придерживая его за плечо. — Свалишься завтра с лихорадкой, а мне возись.

Мужчина быстро стянул с него сырую ткань и помог натянуть сухую сменную рубашу, после чего укутал мальчика в одеяло, словно младенца.

В голове у Ли Мэна шумело от лёгкой простуды. Сквозь полуприкрытые веки он с удивлением

наблюдал, как наставник достал из дорожного сундука шерстяное одеяло и принялся устраиваться на полу.

Мужчина не стал ничего объяснять, а у мальчика не нашлось сил расспрашивать. Отрепённо отвернувшись к стене, он плотнее закутался в кокон из одеял. Но сон не шёл — до самого рассвета он вздрагивал от каждого шороха за окном.

<http://bllate.org/book/18266/1760976>